
ЕЛЕНА ПАНИЧ

КОНЦЕПЦИЯ НЕНАСИЛИЯ

в работах А.А. Гусейнова

АКАДЕМИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
А.А. Гусейнов – авторитетный российский мыслитель, в трудах которого очень заметно влияние христианства и евангельского понимания нравственности. Можно сказать, что его работы стали живым свидетельством того, как Библия и Слово Христа способно влиять на культуру и науку, и как в конечном счете, ученые могут стать апологетами евангельского мировоззрения.

Важная этическая концепция, с которой А.А. Гусейнов завоевал признание в научном мире, это концепция ненасилия. Ее актуальность в сегодняшнее время более, чем очевидна. В этой статье я попытаюсь проанализировать главные аспекты этой концепции с целью выявить ее мировоззренческое значение для современности.

Определение насилия как социальной и культурной реальности

■ Прежде всего, следует отметить, что, определяя для себя понятие насилия, А.А. Гусейнов обращает внимание на два подхода в его интерпретации: абсолютистский и прагматический. Первый из них представляется ему слишком общим и даже абстрактным, потому что в некотором смысле отождествляет насилие со злом вообще, в самых разнообразных его проявлениях. Конечно, с таким толкованием насилия сложно согласиться, потому, как оно слишком размыто, и оперировать таким понятием сложно. Более взвешенным представляется прагматический подход к пониманию насилия, как, прежде всего, физического и экономического (а также, добавлю, морально-психологического) ущерба, который люди наносят друг другу. Гусейнов в целом признает, что присутствие насилия в обществе и отношениях между людьми в конечном итоге связано и нацелено на достижение власти. При этом он пытается разграничить типы власти-господства, отделяя, «природные» и «легитимные» от непосредственно насильственных. Он говорит о том, что одни люди могут властвовать над другими в силу различных обстоятельств: либо в силу реального превосходства (например, родители имеют власть над детьми), либо в силу предварительного взаимного договора (власть закона и законных правителей), либо же по причине действительного насилия (власть оккупанта, завоевателя, насильника)^[1].

^[1] Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия. // Вопросы философии. — 1994 — №6. — С. 35-41.

Насилие, согласно Гусейнову, также следует отличать от форм общественного принуждения и от природной агрессивности. Тут ученый делает акцент на том, что формы общественного принуждения (в частности, уже упомянутые патерналистские и правовые) не могут считаться насилием, потому как в обществе обычно существует согласие с такого рода принуждением, в том числе и среди тех, по отношению к кому оно применяется. С другой стороны, человеку, как живому существу, присущи определенные агрессивные, воинственные инстинкты, которые позволяют ему защищать себя от внешних угроз. Насилие, порожденное общественным принуждением или природной агрессивностью, по мнению Гусейнова, нельзя толковать как насилие в том самом присущем ему негативном смысле. То, что мы действительно обычно называем насилием, является по существу насилием ради нелегитимного принуждения или причинения ущерба, которое осуществляется против воли тех, на которых оно направлено.

Возможно ли моральное оправдание насилия?

■ А.А. Гусейнов считает, что настоящее насилие обычно всегда апеллирует к разумным основаниям, т.е. ищет поддержку в разуме человека, придумывает себе рациональные оправдания.^[2] Моральное оправдание в каком-то смысле можно считать разновидностью или формой рационального обоснования. Однако его особенностью есть то, что морально оправданный поступок понимается

^[2] Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии. — 2004. — №3. — С. 19-28.

как такой, который связанный с неким абсолютным добром или истиной — правдой (отсюда — «оправдание»). Иметь моральное оправдание или обоснование означает, в конечном счете, служить добру, всеобщему благу и истине, и даже Богу. То же самое касается вопроса морального оправдания насилия.

«В основании насилия, — пишет А.А. Гусейнов, — лежит конфликт, в котором его участники не только не могут прийти к согласию, а отказались от самой установки на согласие. Насилие вырастает из конфликта на такой степени, когда люди радикально расходятся по вопросу о том, что есть добро и что есть зло. То, что одни считают злом, другие считают добром, и наоборот. Речь идет не о различиях в понимании добра и зла, еще меньше о теоретических спорах, а о том, что конфронтация по тем или иным жизненно важным вопросам фиксируется в моральных и морально нагруженных оценках».^[3]

На практике, насилие возникает как инструмент, с помощью которого люди надеются достичь нового баланса сил и власти, или же возобновить тот баланс, который оказывается разрушенным, или которому угрожает разрушение. Другими словами, люди готовы к войне, когда не видят других возможностей уладить конфликт или когда надеются на победу. Право силы само по себе все еще имеет определенную легитимность в современном обществе, хотя оно происходит из очень древних, еще языческих представлений о том, что «боги удачи» на стороне того, кто сильнее. Однако верить в право силы и довериться

^[3] Там же.

^[4] Там же.

^[5] Там же.

«честному поединку сил» — это только один способ морально оправдать насилие. Другой, намного более важный способ — это показать, что насилие выступает под флагом добра или как его оружие. Как пишет А.А. Гусейнов,

«Несомненный, не знающий исключения факт состоит в том, что в истории, по крайней мере, в истории Нового времени, тем сражениям, которые ведут генералы, предшествуют сражения, которые ведут моралисты».^[4] По его мнению, «осмысление конфликта как морального противостояния (то есть конфликта между «добром» и «злом») придает ему такой вид, когда он неизбежно приобретает насильственный характер. При этом моральное освящение насилия не смягчает его... Именно моральные аргументы создают ситуацию, когда не совершить насилие оказывается позором («потерей достоинства», «трусостью», «предательством великого дела» и т.п.) и когда противника, поскольку он есть воплощенное зло, надо не только победить, но еще и унижить, опозорить, стереть с лица земли ... Таким образом, моральная аргументация дает последнюю санкцию на насилие, придает ему неизбежный и тотальный характер».^[5]

Когда моральные суждения и осуждения становятся частью массовой пропаганды, они способны запустить механизм войны и насилия, который невозможно вовремя остановить. Можно наблюдать, как современные империи и государства-агрессоры используют всевозможные пропагандистские методы, чтобы обеспечить моральное обоснование своей захватнической и воинственной политики. Иногда они апеллируют к Богу, рели-

гии, Церкви, чтобы получить моральную санкцию на насилие. Всевозможные лозунги о «защите единоверцев» или «соотечественников» могут оказаться достаточным моральным оправданием для вторжения в соседние страны и причинения страданий сотням тысяч ни в чем не повинных людей.

Одной из форм оправдания насилия А.А. Гусейнов называет моральную демагогию. Собственно, в контексте его рассуждений, большинство, если не все попытки оправдать насилие, следует считать моральной демагогией. Обосновывая это, он утверждает, прежде всего, неправомерность беспелляционных моральных суждений. Он считает сомнительным право публичных нравственных суждений независимо от того, положительные они или отрицательные. Сама форма их вынесения предполагает склонность человека узурпировать право на моральную истину. Человек, который осуждает других людей, берет на себя роль Бога. При этом ограниченность его духовных и жизненных возможностей практически никогда не дает ему шансов иметь действительно объективные суждения в этом вопросе. Поэтому и сказано «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7:1, Лк. 6:37). Заметно, что эти библейские строки имеют исключительно большое влияние на А.А. Гусейнова. Он делает вывод, что результатом моральной демагогии неизбежно становится возвеличивание человеком самого себя, а также разделение людей по моральному признаку на «добрых» и «злых». Такое разделение всегда ведет

к обострению конфликта. «Развести людей по разные стороны этической баррикады — значит провести между ними такую пропасть, которую уже невозможно преодолеть».^[6]

Характерно, что ученый характеризует современное ему российское общество как общество с высокой степенью моральной демагогии. Он пишет:

«...общественная полемика часто приобретает морально неистовый характер, она доводится до этического противостояния, до того последнего пункта, когда закрывается путь для обратного хода. Свидетельство тому — характеристики, которыми обмениваются противоборствующие стороны; «коммунофашисты», «дерьмократы», «реакционные силы», «предатели», «агенты ЦРУ», «подонки», «мерзавцы» и т.п. В самом деле, что делать с «подонками» или «дерьмом»? Только одно — уничтожить. Не сидеть же с ними рядом на одном симпозиуме?! <...> Нравственно изничтожающие оценки доводятся до бытийных глубин. Противники — не просто плохие люди. Они — носители дьявольского начала...»^[7].

Обилие такого рода моральных оценок, по мнению А.А. Гусейнова, неизбежно становится предпосылкой к нарастанию конфликтности в обществе, вражды, ненависти и озлобленности.

Однако есть и более тонкий аспект морального оправдания или обоснования насилия. Например, многие могут сказать, что вполне оправдано отвечать насилием на насилие, иначе мы никогда не сможем достичь справедливости. Насилие, причиненное в борьбе за справедливость, обычно вызывает моральное сочувствие и

^[6] Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия. // Вопросы философии. — 195. — №5. — С.5-12.

^[7] Там же.

поддержку. В конце концов, на свете мало происходит войн, инициаторы которых не считали бы их исключительно ответом на существующую несправедливость. Конечно, вопросы противодействия несправедливому насилию не могут быть проигнорированы с этической точки зрения. Именно в ответ на эти вопросы А.А. Гусейнов развивает свою концепцию ненасилия.

Ненасилие и его общественное значение

■ Собственно, нельзя сказать, что понятие ненасилия придумано А.А. Гусейновым самостоятельно. Он заимствовал его из учений лидеров движений ненасильственного сопротивления Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга, а также частично из трудов российского писателя Л. Толстого, к которым тоже проявил большой интерес. Но он попытался осмыслить и обосновать исключительную моральную значимость ненасилия как образа действий и в этом, надо сказать, в значительной мере опирался на заповеди Христа.

Основываясь на заповеди «любите врагов своих», Гусейнов посвятил целую статью рациональному объяснению вопроса, кто таков враг, и почему его имеет смысл любить.^[8] Согласно его взгляду, необходимо понимать, что, говоря о врагах и «вражескости» как таковой, мы фактически говорим не о качестве индивидов, а качестве отношений между ними. «Врагом» может оказаться любой человек при определенных обстоятельствах, а особенно если его хотят таким видеть или изобразить. Мы

ненавидим врагов тогда, когда перестаем принимать их как людей, когда для нас это просто абстракции, наделенные нашим воображением какими-то чудовищными чертами. Любить врагов сложно, когда ты склонен приписывать им чудовищные, демонические характеристики. Но научиться любить врага возможно именно тогда, когда ты осознаешь, что можешь оказаться на его месте, что его поступки и грехи, в конечном счете, тебе тоже не чужды. Конечно, вопрос морального оправдания того, кого ты считаешь врагом, не так-то прост. Если ты оцениваешь другого человека, как нарушителя моральных норм, то очень сложно говорить о любви или доверии.

«Однако любить врага, — пишет Гусейнов, — вовсе не значит испытывать к нему те же чувства магнетической привязанности, какие испытывают к любимому человеку, или радоваться душой, как это случается в общении с друзьями. Здесь мы имеем дело с отношением, которое выше психологических и душевных привязанностей, находится в иной плоскости. Любить врага — значит простить ему прежние злодеяния не в том смысле, чтобы не считать их за злодеяния или примириться с ними, и не так, как щедрый богач прощает долг несостоятельному должнику, а в том смысле, чтобы они перестали быть абсолютной преградой для новых взаимоотношений с ним, и так, как истинный виновник преступления добровольным признанием освобождает от кары преступника мнимого».^[9]

Собственно, речь идет не о любви как о некоем чувстве, а о любви как спо-

^[8] Гусейнов А.А. Любите врагов ваших. <http://www.philosophy.ru/library/vopros/20.html>

^[9] Там же.

собности к прощению и примирению. Эту способность Гусейнов считает фундаментальной для прекращения насилия в обществе. Любовь к врагам как этическая установка — это необходимая предпосылка для преодоления существующих в обществе несправедливости и конфликтов. Однако самой этической установки недостаточно. Нужно еще и действие. В этом отношении Гусейнов толкует ненасилие как действие или совокупность действий, целью которых является прекращение насилия и несправедливости:

«...Ненасилие органически увязано с борьбой за справедливость, оно рассматривается как действенное, при том более действенное, чем другие, и адекватное средство в этой борьбе. Ненасильственная борьба есть единственно возможный и реальный путь к справедливости. Она вносит изменения в мир, является завязью нового — справедливого, отвечающего идеалам любви и правды, типа отношений между людьми. Ненасильственная позиция сегодня, как и две тысячи лет назад, требует героизма, но это не героизм ожидания конца ненавистного мира, а героизм ответственного поведения».^[10]

Евангельская заповедь непротivления злу, по мнению мыслителя, не означает пассивности и ухода от мира. Она как раз полностью соответствует принципу ненасилия как действенному способу изменить мир. Непротivление злу не означает требование подчиниться несправедливости, но предполагает сопротивление ей, не прибегая при этом к насилию. Подставляя другую щеку, необходимо

обращаться к совести жестокого человека, принуждая его к изменению. Гусейнов верит, что ненасилие способно изменить не только отдельных людей и межличностные отношения, но и преобразовать государственные институты, взаимоотношения больших групп людей, классов, государств. При этом ненасилие как способ выражения своей ответственности за состояние общества является также и способом сохранения мира. Это наиболее демократический способ достижения нового баланса сил и согласия, который не унижает достоинства одних людей и не возвеличивает других. Он позволяет вырваться из порочного круга насилия и войны, когда мир устанавливается только на временный период, до тех пор, пока оппоненты не восстановят силы, чтобы возобновить войну.

---

*Ненасилие позволяет
вырваться из порочного
круга насилия и войны,
когда мир устанавливается
только на временный
период, до тех пор, пока
оппоненты не восстановят
силы, чтобы возобновить
войну.*

ности за состояние общества является также и способом сохранения мира. Это наиболее демократический способ достижения нового баланса сил и согласия, который не унижает достоинства одних людей и не возвеличивает других. Он позволяет вырваться из порочного круга насилия и войны, когда мир устанавливается только на временный период, до тех пор, пока оппоненты не восстановят силы, чтобы возобновить войну.

Ненасилие никак нельзя считать путем слабых людей, признаком социальной пассивности и психологической трусости или отсутствием мужества. Скорее необходимо отказаться увязывать понятие мужества с понятиями силы, насилия и войны, как это традиционно принято еще с античных времен. Как пишет Гусейнов:

^[10] Гусейнов А.А. Этика ненасилия. // Вопросы философии.— 1992.— №3.— С. 72—81.

«Достаточно поставить простые вопросы: «Как проще бороться с сильным и вооруженным противником: с помощью оружия или без него?», «Что легче — убить врага или полюбить его, притом полюбить, имея возможность убить?», чтобы убедиться в превосходстве ненасилия перед насилием по критерию мужества. Ненасилие есть сила бесстрашия, сила в ее чистом, созидательном и наиболее полном (охватывающем чувственную, волевою и духовную сферы) проявлении».^[11]

И далее:

«Ненасильственная борьба придает проблеме новый вид: а) она связывает мужество по преимуществу и главным образом с общественной деятельностью, борьбой за социальную справедливость и б) лишает ее сугубо мужского предназначения, придает вид общечеловеческой добродетели, равно украшающей и женщин, и мужчин.

Этический потенциал ненасильственной борьбы в значительной мере определяется именно тем, что она оторвала мужество как личностную добродетель от войны и воинской деятельности».^[12]

Ненасилие как способ противостоять злу, насилию и несправедливости в обществе является по существу способом проявлять социальную ответственность. Ненасилие одновременно становится средством улучшения общества и целью этого общества, потому как «нет путей к миру, мир — это и есть путь».

^[11] Там же.

^[12] Там же.

^[13] См. критические замечания по поводу его работ: Скворцов А.А. Христианская этика и теория ненасилия. И другие статьи этого автора: <http://new.philos.msu.ru/search?>

В общем и целом, из работ А.А. Гусейнова следует, что ненасилие (как морально-этический подход и практика) — это наилучший, если не единственный конструктивный метод противостоять насилию и несправедливости в обществе и в отношениях между людьми. Эффективность этого метода может быть очень высокой, как показывает, в частности, опыт ненасильственного протеста против дискриминации чернокожих в 1960-х гг. в США. Ненасилие имеет большую ценность, потому что дает возможность избежать морального противоречия, которое неизбежно возникает, когда приходится выбирать между необходимостью мириться с несправедливостью или применять насилие. Принцип ненасилия позволяет человеку сохранить моральную цельность и дает ему определенные рычаги влияния на ситуацию и на свое собственное духовное самосовершенствование.

* * *

Надо иметь в виду, что концепция А.А. Гусейнова пока не находит заметной поддержки в среде российских ученых.^[13] Возможно, это в значительной мере потому, что она противоречит идеологической политике Российского государства, которое в силу своего имперского характера достаточно агрессивно. Другой, не менее важной причиной для этого, на мой взгляд, является ее недостаточная разработанность. Многие вопросы пока остаются без ответа. В частности, известно, что практика ненасильственного протеста практически никогда не обходилась полностью без

searchid=2181777&text=%D0%A1%D0%BA%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%86%D0%BE%D0%B2&web=0#, Ситаров В.А. Насилие и ненасилие. // Энциклопедия гуманитарных наук. — 2005. — №1.

насилия. Наиболее известные лидеры ненасильственных протестных движений Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг были убиты, так же насилию подвергались сторонники пацифистских движений и сект (например, меннониты в Германии, молокане в России). Чтобы избрать ненасилие как способ улучшения мира, требуется достаточного личного мужества и готовности к самопожертвованию. К сожалению, у Гусейнова мы не

Легитимность некоторых видов насилия или принуждения, о которых говорит Гусейнов, может быть поставлена под сомнение. Принуждение в семье или ограничение прав отдельных социальных групп, которое считалось вполне законным и морально оправданным еще полстолетия тому назад, сегодня может стать причиной протестов и социальных конфликтов. Идеологическое доминирование авторитетов или власть большинства,

---

Ненасильственная борьба есть единственно возможный и реальный путь к справедливости. Она вносит изменения в мир, является завязью нового — справедливого, отвечающего идеалам любви и правды, типа отношений между людьми.

находим достаточно убедительного обоснования, которое могло бы мотивировать людей делать такой выбор. В некоторых своих работах он пытается показать разумную обоснованность морали и нравственности человека, но приходит к выводу, что исторически мораль и разум — разные формы сознания, не обязательно обуславливающие друг друга.^[14] Он также обращается к учению писателя Л.Н. Толстого, чтобы показать пример рационального обоснования ненасилия и философии любви. Однако философское учение XIX века, при всей его ценности, не может ответить на все вопросы современного общества. К тому же, чтобы нравственные принципы мира и ненасилия сделать основой общественного договора, нужно общество единомышленников, а не только лишь пророки и мученики, такие, как Л. Толстой, М. Ганди или М. Л. Кинг.

препятствующая творческому самовыражению личности, сегодня тоже воспринимаются как насилие. Таким образом, само понятие насилия получило потенциал расширения практически до бесконечности.

При этом насилие, как и ненасилие, являются неотъемлемой частью практики жизни, а страдания — все еще неизбежная участь человека в этом мире. Поэтому с целью сохранения мира в обществе одна из важных задач состоит в том, чтобы осознанно, разумно и рационально уравнивать потребности и интересы людей, в том числе тех, кого мы привыкли игнорировать или считать недостойными иметь собственные интересы. Прислушиваясь к людям, пытаюсь дать им то, что им действительно нужно, добиваясь того, чтобы у них оставалось как можно меньше ощущения несправедливости жизни. Самое большее, что мы можем сделать, чтобы избежать страданий, это не причинять их другим. Законы, коллективные соглашения и обще-

^[14] Гусейнов А.А. Мораль и разум. <http://philosophy.ru/iphrras/library/guspaper/GUSSE1.htm>

ственный договор, которые будут руководствоваться принципом не причинения страданий людям, максимальной свободы и взаимного уважения, тоже смогут помочь в

формировании общества ненасилия. Это то общество любви к человеку, которого мы все же можем достичь, понимая, что рай на земле не достижим.

Библиография

- Гусейнов А.А. Этика ненасилия. // Вопросы философии. — 1992. — №3. — С. 72—81.
- Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия. // Вопросы философии. — 1994 — №6. — С. 35-41.
- Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия. // Вопросы философии. — 1995. — №5. — С.5-12.
- Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии. — 2004. — №3. — С. 19-28.
- Гусейнов А.А. Мораль и разум. <http://philosophy.ru/iphras/library/guspaper/GUSSE1.htm>
- Гусейнов А.А. Любите врагов ваших. <http://www.philosophy.ru/library/vopros/20.html>
- Ситаров В.А. Насилие и ненасилие. // Энциклопедия гуманитарных наук. — 2005. — №1.
- Скворцов А.А. Христианская этика и теория ненасилия. <http://new.philos.msu.ru/search?searchid=2181777&text=%D0%A1%D0%BA%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%86%D0%BE%D0%B2&web=0#>,
- Дополнительная литература:*
- Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. М.: Молодая гвардия, 1988. — 272 с.
- Гусейнов А.А. Мораль и насилие // Вопросы философии. 1990. — № 5. — С.127-137.
- Гусейнов А.А. Ненасилие и перспективы общества // Философские науки. 1990. — № 11. — С. 83 - 89.
- Гусейнов А.А. Понятие насилия. // Этика: Учебник. М.: Гардарики, 1999.
- Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. — № 3. — С. 72-81.
- Гусейнов А.А. Этика ненасилия. // История этических учений: Учебник. — М.: Гардарики, 2003.
- Гусейнов А.А. Закон насилия и закон любви (теоретический комментарий к одноименному трактату Л.Н. Толстого) // Сб.: Человек. Наука. Цивилизация: К 70-летию академика РАН В.С.Степина. — М.: Канон+, 2004.
- Гусейнов А.А. Великие моралисты. М.: Республика, 1995. — 351 с.
- Гусейнов А.А. Ненасилие как правда жизни // Опыт ненасилия в XX столетии: Социально-этические очерки / Под ред. Р.Г. Апресяна. М.: Аслан, 1996. — С. 236-264.
- Гусейнов А.А. Учение Л.Н. Толстого и современные дискуссии о ненасилии // Сибирские философские школы. Новосибирск, 2002. — С. 33-48.
- Гусейнов А.А. Террористические акты 11 сентября и идеал ненасилия // Насилие и ненасилие: Философия, политика, этика / Под ред. Р.Г. Апресяна. М.: Фонд независимого радиовещания, 2003. — С. 71-85.
- Гусейнов А.А. Мораль и политика: уроки Аристотеля // Ведомости. Вып. 24: Политическая этика: социокультурный контекст. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004. — С. 94-128.
- Гусейнов А.А. Закон насилия и закон любви (теоретический комментарий к одноименному трактату Л.Н. Толстого) // Человек. Наука. Цивилизация: К 70-летию со дня рождения В.С. Степина. М.: Канон, 2004. — С. 722-738.
- Гусейнов А.А. Этика ненасилия веление времени: Доклад на Второй Российской научно-практической конференции «Религия в изменяющейся России». Пермь. 11-12 мая 2004 год // <http://www.religare.ru/>
- Иванов, В.М. Христианство и ненасилие // В.М. Иванов // Принципы ненасилия. — М., 1991.
- Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс). М.: ИВИ РАН, 2000.
- Ненасилие: Философия, этика, политика / Ред. А.А.Гусейнов. М.: Наука, 1993. 188 с.
- Опыт ненасилия в XX столетии: Социально-этические очерки / Под ред. Р.Г.Апресяна. М.: Аслан, 1996.
- Скворцов А.А. Русская религиозная этика войны XX века. М., 2002.
- Философия ненасилия. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2007. http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1428/7/1323364_program.pdf